

Школьный быт питомцев Переславского духовного училища в сороковых годах

(Воспоминания бывшего питомца, по поводу 100-летнего юбилея училища.)

На страницах «Владимирских епархиальных ведомостей», не помню — за который год,¹ помещены были школьные воспоминания старца протоиерея Силы Архангельского, которые прочитывались с немалым интересом. Можно было надеяться, что найдутся подражатели и продолжатели воспоминаний почтенного о. Протоиерея, которые укажут на школьный быт духовных питомцев в последующих годах; но, к сожалению, таковых доселе не оказалось. Беру на себя смелость продолжить воспоминания об этом предмете за время, следовавшее почти непосредственно после воспоминаемого о. Протоиерея.² Впрочем, воспоминания о. Протоиерея касались Владимирского училища и семинарии, а мои относятся к Переславскому училищу. с. 240

В своих воспоминаниях я не намерен держаться строго систематического порядка и подводить оные под известные рубрики; буду говорить так, как эти воспоминания воспроизводятся в моей памяти, или по порядку времени, или по однородности предметов, причём учебная и воспитательная часть, быт квартирный школьников и другие порядки могут смешиваться. Я пишу не с предвзятою целью указать достоинства или недостатки в школьном быте того времени и к сему направлять свои воспоминания, но с тем, чтоб из этих воспоминаний каждый мог сделать свой вывод. с. 241

Начну с приёма в школу. Он производился так: малютку 7—9 лет приводили сперва к учителю 1-го класса. Отец или мать ребёнка несли учителю кто десяток яиц, кто десяток яблок, кто фунт баранок, а люди позажиточнее от четвертака до полтинника деньгами. Школьники таких щедрых родителей были в особом внимании учителя. В настоящее время можно смеяться над этими приношениями; но в то время, когда учитель получал 300 рублей ассигнациями (85 рублей серебром) в год, такие приношения и самый приём их могли быть извинительны, тем более, что эти жертвы не вынуждались, а приносились добровольно, по принятому порядку, ввиду скудного обеспечения учителей. — Приведённого малютку учитель обыкновенно спрашивал: умеет ли он читать и писать? Ответы были таковы: читать и писать умею, или: умею только читать, или: вовсе ничего не умею, — что случалось с сиротами, которых некому было учить. Для испытания в чтении раскрывалась псалтирь, а для письма предлагалась аспидная доска и грифель. Учитель записывал прибывшего в список своих учеников и затем отсылал к смотрителю училища *на усмотрение*. Смотритель производил такое же испытание поступающего школьника и также вносил в свой список. Отказа в приёме не было никому. Вследствие чего в 1 классе училища в первую учебную треть года, особенно в начале её, был такой сумбур, что и разобрать трудно: одни начинали учение с азов, другие торились (навыкали) в чтении, третьи в писании на бумаге палок, что называлось: «огород городить», четвёртые в писании букв и прочем и прочем. Вечерний класс, с 2 до 4 часов, обыкновенно назначался или на пение, или на письмо. Учителю приходилось многим из неумеющих учеников и линевать тетрадки, и чинить перья (гусиные; о стальных перьях тогда не имели понятия); с. 242

*Ключарёв, А. Школьный быт питомцев Переславского духовного училища в сороковых годах / А. Ключарёв // Владимирские епархиальные ведомости (часть неофициальная). — 1889. — 1 мая (№ 9); 15 мая (№ 10). — С. 240—254; 289—295.

¹Справка «ВЕС»: за 1875 г. №№ 10—13.

²Воспоминания о. Архангельского обнимают годы 1818—1832. — Редакция ВЕС.

для этого он приносил с собой в класс линейку, карандаш и перочинный ножик. Случалось так, что новичок, ещё не привыкший к обращению с учителем, говорил ему: «дядюшка (или батюшка), почини мне пёрышко». Учитель брал у него перо и своим ножичком очинивал. Так велось при поступлении моём в 1-й класс Переславского училища. Учителем в то время был молодой священник Ф. М. Покровский (уже умерший).

с. 243 В половине сентябрьской трети разница в подготовке новобранцев несколько сглаживалась; начинались правильные уроки, если можно назвать уроками правильными выучку по книге «с этих до этих» и, что называлось, «к зубу», без всяких пропусков в тексте; о понимании заученного не было заботы ни учителю, ни ученикам. Назначались аудиторы из лучших учеников, которым поручалось до прихода в класс учителя испытывать назначенных каждому учеников, числом 5—10, в знании урока. Аудитор прослушивал свою партию и отмечал в списке: «зн.» или «нз.» (знает, не знает). Плохо приготовивший урок обыкновенно запасался куском лепёшки или калача и совал его в руки аудитору с просьбой: «голубчик, запиши получше». Отмеченный в списке «зн.» просиживал в классе благополучно, потому что не всех учеников мог переиспытать учитель, — а получивший отметку в списке «нз.» пред приходом учителя должен был становиться у печки на колена. Первое внимание учителя по приходе в класс обращалось на коленопреклонённых, над коими сгущалась гроза, начинавшаяся восклицанием: «Ах вы лентяи!» В ответ на это слышалось: «Я знаю, я знаю». Учитель начинал проверять их знания, и одних, оказавшихся отчасти знающими, сажал на место за парту, а другие — незнающие или подвергались наказанию розгами, или оставались на коленах в течение всего классного урока. Эта разборка незнающих урока продолжалась иногда слишком долго, обращения к знающим сделать было некогда, и опять шло: «с этих до этих». Таковой порядок аудиторства вёлся во всех классах училища, исключая четвёртый — у инспектора И. П. Чуриловского. У всех учителей царил давняя рутина, а Чуриловский (вечная ему память!) представлял собою светлое исключение. Но об нём речь впереди.

с. 244 Кроме аудиторов, в 1 классе, как и в прочих, назначался ещё один цензор, большею частью первый в классе ученик. Обязанность цензора состояла в том, чтобы водворять порядок в классе до прихода учителя, а о нарушителях порядка в классе и при переходе от квартиры до училища доносить учителю. Учитель по приходе в класс имел ещё особое занятие в разборе донесений цензора и других. Например: цензор доносит учителю, что такой-то ученик, идя в училище, бросил в собаку, которая на него залаяла, арифметикой Куминского (автор). Учитель спрашивает виновного: чья у тебя арифметика — своя или казённая? Ответ: казённая. Приговор — экзекуция. Или: один из школьников жалуется учителю на другого, что тот попросил у него «поесть», то есть кусочек лепёшки, а он ему отказал; просивший пригрозил ему: «Попадёшься на узенькой дорожке, я с тобой разделаюсь». Изволь учитель разбирать все эти детские дразги и по всем оным поставлять приговоры. Сколько времени приходилось учителю употреблять на разбор всех жалоб и на исполнение по оным приговоров, и сколько оставалось на занятие уроками! Таким образом, и учебная и воспитательная часть смешивались как-то без разбора в одном лице учителя, когда в то же время существовала инспекция. Но инспекция ведала одни выдающиеся проступки школьников, а мелкие предоставляла разбору учителей.

с. 245 К разряду в некотором роде должностных между школьниками лиц принадлежали ещё дежурные по классу. Дежурство правил каждый ученик, исключая цензора и аудиторов, по порядку в списке, в течение одного дня. Обязанность дежурного состояла в том, чтобы следить за целостью так называемого казённого имущества в классе и в случае повреждения чего-либо доносить учителю, например, кто изрезал парту, испортил чем-либо классную доску, разбил в окне стекло, пролил на столе учителя чернила, запачкал классный журнал и прочее. По выходе учеников из класса после утренних уроков, дежурный обязан был запирать классную комнату и брать ключ с собой, а после вечернего урока осмотреть все парты, собрать оставленные там учениками вещи и книги, чтоб оными не мог воспользоваться сторож, который будет топить печь и мести пол. В 3 классе училища при учителе И. М. Флоринском практиковалось то, что дежурный все забытые учениками и собранные им вещи представлял ему, по прибытии в класс, для раздачи по принадлежности. О. Флоринский очень строго относился к этой забывчивости учеников, видя в том их рассеянность и небрежение о своей и казённой собственности. От какой-либо чернильницы и карандаша владельцу можно было отказаться, но от книги — никак, потому что на каждой книге имелась надпись: «сия книга принадлежит до ученика такого-то класса №», и при этом присоединялась во свидетельство подпись нескольких товарищей. И. М. обыкновенно развёртывал книгу, по надписи на ней вызывал ученика, отправлял его на экзекуцию и затем выдавал ему книгу. Эта экзекуция и раздача

забытых в классе книг продолжалась иногда до половины урочного времени, так как учеников в 3 классе насчитывалось от 90 до 120; почему не удивительно, что забывчивых набиралось немало.³

Кроме классных должностных лиц между школьниками, были ещё из них должностные лица квартирные. Это — старший в каждой квартире, назначаемый инспектором из старших учеников между квартирантами. Он по большей части был руководителем и дядькою всех новичков, которому давались подарки от отцов и матерей малюток, и ответственным лицом за порядок в квартире. Он записывал в квартирном журнале все события дня, как то: отлучки учеников с квартиры, время совершения утренней и вечерней молитвы, и вообще свидетельствовал «о благополучии» в квартире. Это «благополучие» проверяли особые квартирные старшие из учеников 4 класса, тоже по назначению инспектора, которые обходили свой район квартир почти ежедневно и записывали в квартирном журнале о времени своего посещения.

с. 246

В первый год моего поступления в училище была ещё должность главного старшего,⁴ которая с 1843 года была упразднена.

Таким образом, куда ученик не сунься, везде пред глазами его начальство: отсюда — страх за всякий шаг и забитость. Удивляться только нужно, как могли из этого рабства у всякого мелочного начальства выходить цельные и неиспорченные натуры, — как молодые люди могли выносить весь этот гнёт и искус от своих сотоварищей, не всегда благоразумных, и не потеряться в общем итоге недоучек? Видимо, само Провидение охраняло их, а может быть — при этом и в самой душе тех отроков хранились задатки особой сметливости и терпения при всяких жизненных невзгодах.

Что касается прямой училищной инспекции, то она, при всей строгости в тогдашнее время, была умеренна и благоразумна, потому что зависела от такой личности, как И. П. Чуриловский. Он был главным и единственным руководителем училища, хотя и не был его начальником. Учебная, воспитательная и экономическая части училища держались на нём одном. При нём Переславское училище цвело и выделялось из уровня других училищ в Епархии. Но если им же, Чуриловским, допускались в помощь инспекции разные старшие квартирные, а в классах цензоры и аудиторы; то это зависело от общей постановки учебного и воспитательного дела во всех училищах того времени, хотя к этой постановке он и не благоволил, доказательством чего служить то, что у него в классе не было ни цензора, ни аудиторов. Видимо, этот человек по своим понятиям шёл впереди своего времени. Все смотрители училища, сколько при нём их ни было, жили его руководством и играли роль подчинённых. Поэтому и ученики знали, уважали и боялись одного Чуриловского, а не смотрителей училища. Его ум, начальнический такт, честность, правдивость, научные познания ставили его в ряду выдающихся педагогов того времени, хотя он имел только степень студента семинарии.

с. 247

При упоминании о цензорах, аудиторах и старших, имевших значение в училище, прервана мною нить начатого рассказа об учебной постановке в 1 классе училища. Продолжу об этом речь. Когда новички были отчасти уравнены в навыке чтения славянской и гражданской печати, приступали к изустным урокам по краткой священной истории и краткому катехизису митрополита Филарета. Объяснений к этим урокам не прилагалось, а требовалось одно — заучить начатки вероучения «к зубу». Других изустных уроков не было. В том классе шли ещё упражнения в чтении славянской псалтири, чистописании, писании и выговоре цифр до миллиона и в разборе обиходных нот «по солям». Вот и вся тогдашняя программа преподавания в 1 классе училища! Не широка она, но для многих, не подготовленных домашним обучением, казалась египетским игом. Вследствие чего и при этой неширокой программе обучения многие оставались на повторительный курс в 1 классе, а некоторые даже были исключаемы за малоуспешность, соединяемую, впрочем, с шалостями.

Кончался учебный год, назначался день для переводного экзамена; учитель составлял разрядный список и представлял оный смотрителю. В день экзамена являлись в класс смотритель

с. 248

³Иногда ученики проделывали с И. М. такую штуку: уговорятся оставить в классе как можно больше книг, не нужных к уроку на следующий день. Дежурный по классу представит учителю целый ворох книг и уложит на учительском столе. О. Флоринский, видя, что с таким количеством виновных расправиться трудно, выйдет из себя, начнёт ругаться, разбросает книги на пол; ученики бросаются их разбирать, пойдёт толкотня, шум и пыль столбом. Ученикам удавалось через это утянуть часть классного времени безнаказанно.

⁴Главным старшим я застал Ст. Льв. Королькова, который впоследствии был протоиереем и благочинным Дворцовых церквей в Москве, а старшим в моей квартире был Григ. Ив. Виноградов, умерший в петербургской духовной академии, слышавший за замечательного проповедника и оратора, близкого по стилю Преосвященному Иннокентию Херсонскому.

и инспектор, производилось испытание не всех учеников в течение 2—3 часов, и затем всё окончено. Разрядный список учителя составлял всю компетентность в оценке ученических познаний, — потому что в течение года никто не поверял ни занятий учителя, ни успехов учеников. Если иногда смотритель и приходил в класс, то только для проформы; потому каждому учителю была своя воля. Изменений в разрядном списке учителя не полагалось — и всё, предложенное им, утверждалось. — Та же процедура экзаменов велась и в прочих классах училища, с тою только разницею, что в 3 и 4 классах испытания учеников были продолжительнее, от 2 до 3 дней, и на эти экзамены являлась иногда вся учительская корпорация. Больше всего было исключаемых из 3 класса, в нём же больше и оставляемых на повторительный курс. Один субъект из моих товарищей (А. Товаров) пробыл в 3 классе ровно 6 лет, а всего в Переславском училище 12 лет, и перешёл в семинарию, имевши за 20 лет от роду. Впрочем, это не исключительный пример, — были и другие личности, которые с 3 класса начинали бриться и петь басом.

с. 249 Кроме переводного годичного экзамена, были ещё частные пред отпуском учеников на Святки и святую Пасху; производились они во всех классах каждым учителем по своим предметам, причём поверялись познания всех учеников в том, что пройдено в течение трети года. Затем составлялся разрядный список по оказанным успехам и производилась так называемая *пересадка* с места на место, — то есть ученик, занимавший, например, № 5 и оказавшийся на экзамене стоящим высшего номера, или низшего, пересаживался на соответственное его ответам место, или из первого разряда переводился во второй, из второго в первый. Эти пересадки имели смысл и значение потому, что возбуждали соревнование в школьниках и приносили им или похвалу, или нотацию от родителей.

В течение каждого учебного года следует отметить ещё некоторые особенности в школьном быте:

а) Пред отпуском на Святки недели за две школьники занимались списыванием *рацей*, которые выучивались и приготавливались к произношению во время славленья пред влиятельными лицами в приходе, начиная с зажиточного крестьянина, церковного старосты, и доходя до священника и помещика. За те рацеи, конечно, следовало особое вознаграждение: кроме совка овса, давался ещё серебряный пятак или гривенник, к радости школьника. Рацеи те в большинстве случаев были высокопарны без всякого содержания, или наивны; но они успешно отправляли свою службу в сбирании пятачков.

б) По возвращении в училище, после отпусков на Святки, Пасху и вакации, почти каждый ученик являлся в квартиру своего учителя по классу с приношениями разного рода, вещевыми или денежными, смотря по возможности. Только к Чуриловскому заперт был вход с подобными явками, да к одному из бывших смотрителей училища И. И. Сахарову; прочие смотрители и учителя не чуждались таких приношений. После отпуска на масленицу тех явок с приношениями учителям не полагалось.

с. 250 в) Пред отпуском на Пасху школьников озабочивала разрисовка отпускных билетов; никому не хотелось явиться домой к Светлому празднику без разукрашенного билета. Обыкновенно края билетов разрисовывались различно, смотря по фантазии и уменью рисовальщика, небывальными цветами и птицами, вычурными столбами с аллегорическими изображениями, напоминающими Христово Воскресение, а в середине писался тщательно текст билета. Не все, конечно, умели рисовать, а потому неумевшие обращались к тем, у кого были краски и кто обладал лучшею способностью в рисовке, — им-то перепали пятаки, калачи и лепёшки.

г) В последнюю учебную треть года (в мае) всё внимание школьников занято было развлечениями на рекреациях и соображениями — сколько в этом месяце выпадет на их долю удовольствий. Обыкновенно рекреаций насчитывалось 12, но иногда менее, — и май месяц школьники называли гулёвым. Не всегда начальствующие в училище назначали время рекреаций, но по большей части сами ученики выпрашивали для себя те гулянья. Если выдавался тёплый и ясный день, если кто-либо из учителей был именинником, если заметили, что смотритель в хорошем расположении духа, — всё это было поводом к выпрашиванию рекреаций. Вообще, школьники как-то умели пользоваться каждым удобным случаем, чтоб им дана была возможность погулять. Когда обстоятельства благоприятствовали желанию школьников, они с общего решения, обыкновенно пред началом классных занятий, отправляли депутацию к смотрителю, иногда инспектору, с просьбой о рекреации. Эта просьба большею частью выражалась на латинском языке хоровым пением у дверей начальника: «Pater noster, Domine Rector (или просто: domine N), recreationem humillime rogamus». В случае соизволения, в ответ высшим гласом пелось: «Gratias agimus». Во время отправки депутации волнение школьников,

ожидание результата от просьбы депутации доходило до высшей степени напряжения. Если издали замечали быстрый ход депутации и размахивание руками, то все начинали кричать: дали, дали, — и восторгам не было конца; но когда видели, что депутация возвращалась вяло и понуря головы, то понимали, что последовал отказ, — и все нехотя расходились по классам.

с. 251

Привлекательность рекреационных гуляний состояла главным образом в том, что школьники в это время пользовались полной свободой, которой в другое время ученья не видали, а знали лишь принуждение и стеснение. До 12 часов дня им позволялось идти, кто куда хочет, забавляться, кто чем желает, — разумеется, не выходя за пределы благопристойности.

Первым делом школьников при назначении рекреации было — сделать осмотр своих сундучков и запасного в них капитала. Медные пятаки и гривны, серебряные пяточки и гривенники, сберегаемые в другое время при всех лишениях, вытаскивались из заветного уголка. При дешёвизне в то время всех предметов потребления, при ограниченности потребностей школьников, одного гривенника, даже менее, хватало на все рекреационные расходы, как то: на бабки, калач, грушу, грушевый квас и даже в некоторой мере на орехи и дешёвые пряники.

После 12 часов дня ученики собирались в Данилов монастырь, где помещалось тогда училище, инспектор делал распоряжения, назначал место для гулянья, порядок перехода к тому месту и возврата после гулянья. Под предводительством старших школьники гуртом отправлялись за город в так называемую *Лисёну*, за 4—5 вёрст [5 км] от города. Эта Лисёна — небольшая роща из разных лиственных деревьев; близ неё протекала небольшая речонка, и около широкая площадь луговины, удобная для гулянья. Сюда являлись мелочные торговцы с калачами, грушей, квасом, дешёвой бакалеей и гречневиками. Наконец, являлось туда же начальство и вся учительская корпорация. Школьники дробились на многие группы: одни играли в бабки, другие в лапту, в горелки, в перегонку, — третьи составляли хор песенников, многие бродили по роще, вырезывали себе палочки, делали дудки. В развлечениях школьников принимали участие и учителя, хотя сдержанно, не по-детски. Кроме привлекательности рекреационных гуляний в хорошей лесной местности, на вольном воздухе, участие учителей в играх школьников доставляло последним другое удовольствие, ибо они чувствовали себя как бы равными старшим и учителям, по крайней мере — более близкими к ним. От учителей случались нередко и подачки ученикам, — покупались у торговцев кульки с орехами и пряниками, которые разбрасывались в толпу. Начиналась давка и кутерьма при погоне за гостинцами, — кому было смешно, кому удовольствие и прибыль, а кому подчас и слёзы: настоящая панорама общего склада жизни человеческой! — Пред закатом солнца объявлялось распоряжение об окончании гулянья и о возврате в квартиры. Возвращались все вместе и обыкновенно с маршевыми солдатскими песнями; сентиментальных романсов, вроде нынешних, тогда школьники не знали, а пробавлялись больше военными и простонародными песнями. На распространение в большинстве военных песен влияло недалёкое воспоминание о войне 12 года, а не меньше того — и близкое о Польской и Венгерской кампаниях и начавшееся покорение Кавказа. — Возврат с гулянья не обходился без утомления, ночь спали крепко, без думы об уроках на следующий день, — потому что оных не полагалось, а шли в класс с готовыми уроками прошедшего дня.

с. 252

д) По окончании годовичного экзамена, накануне отпуска на вакацию, устраивался публичный экзамен. Он состоял в том, что отделялось в каждом классе по немногу лучших учеников и им давались по каждому учебному предмету уроки, которые им предстояло говорить пред публикою. Публику на этом экзамене, кроме училищного начальства и учителей, составляли лица из городского духовенства, смотритель и некоторые из учителей уездного училища, иногда городничий, исправник и другие из чиновного мира. Местом для публичного экзамена всегда назначалось помещение 4 класса училища. Парты выносились вон, пол вымывали, вносили большой стол, покрытый сукном, около него расставлялись стулья для почётных посетителей, перед столом выстилался ковёр, сделанный из полевых цветов, песку, мелу, сурьмы, голландской сажки и других красок; около окон развешивались гирлянды из дубовых и кленовых листьев. Убранство комнаты требовало многих хлопот, в особенности настилка ковра. Ученики, свободные от экзаменов, посылались для собирания в полях василька, шиповника, ромашки и других цветов, а в лесах — листьев с клёна и дуба; каждый должен был принести назначенного ему материала известную долю, мерою которой служила фуражка. Всё собранное сносилось и сдавалось мастерам по убранству комнаты. Уменьше выстилать ковёр удавалось немногим; двое, много трое брались за это дело и выполняли оное с замечательным мастерством. Размер ковра по большей части определялся в 2 аршина ширины [1,4 м] и в 3 аршина длины [2,1 м]. Сюжет для рисунка на ковре указывался начальством училища, а рисунок сначала делался на бумаге самими мастерами и представлялся на одобрение началь-

с. 253

ства. По одобренному рисунку выстилался и ковёр. Например, предлагалось выразить плоды прилежания. На ковре изображался дом, окружённый деревьями, а сверху падающий дождь, который чрез дождевую трубу сходил вниз на середину пробитого камня. В кайме ковра выкладывались слова: «Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo». Или нужно было представить пользу учения. Тогда на ковре изображался садовник, собирающий в корзину яблоки; на кайме писалось: корень учения горек, но плоды его сладки, и тому подобное.

с. 254 Публичный экзамен в училище производился так: когда являлись начальствующие лица и почётные посетители, певчие пели: «Благословен еси Христе, Боже наш», затем какой-либо духовный концерт, если хор певцов из школьников имел в Даниловом монастыре регента и старшие голоса. По окончании концерта начиналось испытание учеников (казовое) в знании предметов учения. Выступали пред собранием двое из учеников 4 класса, один декламировал изустно главу из Корнелия Непота по-латыни, а другой переводил оную по-русски, — давались вопросы и возражения, на которые следовали ответы испытуемых. В том же виде шли испытания по географии, арифметике, потом переходили на греческий язык, пространный катехизис и священную историю. Испытание учеников 4 класса заканчивалось иногда новым концертом певчих. Затем шла экзаменация учеников из прочих классов. По предмету русского языка большею частью читались и разбирались басни Крылова; по славянскому избиралось место из Евангелия или Апостола для перевода на русский язык с необходимыми пояснениями слов и грамматическим разбором; первоклассникам назначались статьи из краткого катехизиса, священной истории, и показывались публике образцы их чистописания. Кончался экзамен, певчие пели «Достойно есть» или «Тебе Бога хвалим». В заключение инспектор объявлял разрядные и переводные списки, а смотритель награждал лучших учеников «за благонравие и успехи» дешёвыми книгами, но дорогими для школьников по надписи на них. Радость и слёзы следовали у школьников по объявлении списков, в особенности — горе у исключённых. Учительская корпорация и посетители отправлялись в помещение Правления училища, а ученики, каждый с своим воспринятым чувством, шли по квартирам. На следующий день был отпуск на вакацию.

с. 289 Во втором классе училища преподавались следующие предметы: русская грамматика — главный предмет, священная история ветхого завета в рассказах, первые четыре действия арифметики, пение по обиходу, оканчивая богородичными, чтение и письмо по-латыни и упражнения в русском чистописании на склонениях и спряжениях. Во втором классе в моё время был учителем иеромонах Данилова монастыря Виктор, человек простой, добрый, мягкосердечный, редко прибегавший к наказанию розгами и, кажется, боявшийся слёзного крика наказуемых. У него была привычка, когда ученик отвечал ему урок, держать его за ухо и мять в своих руках, конечно, без боли. Бывало, как начнёт он рассказ об Иосифе Прекрасном, сам расплачется и ученики, глядя на него, заливаются слезами. Умилительная картина! В вечерние классы после Пасхи до дня Вознесения не полагалось у него других занятий, кроме того, что ученики пели только Пасхальные стихиры «да воскреснет Бог» по несколько раз.

с. 290 В третьем классе ученики делились на две группы: младшую, которую составляли переведённые из второго класса в нечётный год (41, 43 и так далее; им приходилось пробыть в третьем классе 3 года), — и старшую, более многочисленную, которую составляли: а) оставленные на повторительный курс; б) проучившиеся здесь один год в младшей группе, и в) переведённые из второго класса в чётный год. Последним приходилось учиться в третьем классе два года, то есть сравняться в познаниях с проучившимися ранее их 1 год в этом классе, — что было для многих не по силам. Вследствие этого большинство лучших учеников при переходе в 4-й класс всегда составлялось из тех, которые пробыли три года в 3-м классе. Когда в этом классе было две группы и насчитывалось до 120 учеников и более, то и двум учителям, которые здесь полагались, трудно было справляться с такой массой учившихся. Здесь преподавались языки: латинский, греческий и славянский, пространный катехизис, церковный устав, арифметика и нотное пение. Эти предметы преподавания между двумя учителями разделялись так: учитель латинского языка заведовал арифметикой и пением, а грек — славянским языком, церковным уставом и пасхалией. Но последний предмет существовал здесь почти только номинально.

Учителем 3-го класса по латинскому языку и соединным с ним предметам был И. Мин. Никольский.⁵ Он был учитель строгий, взыскательный. Ученики его боялись и как помощника инспектора, и как серьёзного учителя, в особенности — когда он был не в духе. Это располо-

⁵Впоследствии инспектор Шуйского училища, уже умерший, которого я и хоронил.

жение его школьники предугадывали и по его походке, и по костюму. Когда в летнее время видели его идущим в класс от Никольского монастыря, где он имел квартиру, в цилиндре, форменном фраке и белых брюках, то наперёд знали, что предстоит гроза. Одно выражение его «ad Socolow» приводило весь класс в содрогание из жалости за провинившегося и из опасения за свою участь. Соколов был экзекутором столь же серьёзным, как И. М. — учителем. Хотя И. М. Никольский редко прибегал к наказанию розгами и притом ограничивался лишь немногими ударами, но они были очень чувствительны от руки Соколова. Впрочем, разумная строгость учителя не казалась жестокою, и такой учитель пользовался даже уважением школьников, хотя его и страшились.

с. 291

Учителем греческого языка был священник И. М. Флоринский. Он был особым типом, выдающимся между учителями того времени, типом бестолкового старчества и самодурства. Научились ли от него школьники хоть чему-нибудь, — Бог весть.

В 1844 году о. Флоринский назначается смотрителем училища уже без уроков в 3 классе. В этой должности он пробыл всего один год или менее, и затем переводится в настоятеля монастыря в Муроме, где и окончил свою жизнь. На место о. Флоринского учителем греческого языка в 3 классе поступает Ф. М. Покровский, бывший учитель 1 класса. В 1845 г. учитель латинского языка И. М. Никольский переводится в инспектора Шуйского училища, а на его место назначается кандидат академии Ил. Ив. Сахаров, который становится и смотрителем училища. О начальствовании Флоринского в училище ничего припомнить не могу, а о Сахарове нечто воспоминается.

При назначении Сахарова смотрителем училища все школьники (и не одни они) были недовольны тем, что обойдён был опытный и дельный руководитель училища Чуриловский. Высшее образование Сахарова в академии далеко уступало опытности и педагогическому такту Чуриловского. По этому поводу выходило немало столкновений между смотрителем и инспектором училища; но инспектор всегда брал верх, как человек в высшей степени честный, умный и правдивый. Сахаров как учитель был годный, но как начальник заведения — мало годный. Иногда он был добр и снисходителен, любил развивать в учениках охоту к чтению, для чего приобретал на свои средства книжки и раздавал их школьникам; но в то же время был до чрезвычайности вспыльчив, сердит и жесток. При своей вспыльчивости он становился уже не человеком, а чисто зверем. Говорили, что Сахаров из Переславля поступил во священника Орловской епархии.

с. 292

При переходе моём в 4-й класс застал я здесь учителей И. П. Чуриловского и А. П. Казанского. Первый был впоследствии смотрителем Шуйского училища, а второй — соборным протоиереем г. Судогды (оба померли). Чуриловский, кроме латинского языка, преподавал географию и арифметику; Казанский, кроме греческого языка, преподавал пространный катехизис м. Филарета и священную историю. О Чуриловском как инспекторе и руководителе училища упоминалось; остаётся вспомнить о нём как учителе. Главный предмет его преподавания был латинский язык, которым он владел в совершенстве, — и свои познания так умел передать ученикам, что они долго не выходили у них из головы. Корнелия Непота он знал всего наизусть, и при уроках в классе не брал никогда книги в руки. Ученики первого десятка, кроме перевода главы из Корнелия на заданный урок, обязательно должны были выучивать наизусть латинский текст, и это упражнение по привычке не казалось обременительным. В знании урока он обыкновенно испытывал так: заставлял одного читать изустно латинский текст, а другого — со слов того делать русский перевод. Письменные упражнения были очень часты, давались на дом, а больше производились в классе, причём иногда объявлялось, что допускается *certare de loco*. Тогда пожелавший спорить о месте писал на своём упражнении фамилию и прибавлял: *certo de loco cum N.* Чуриловский сравнивал упражнения обоих, и когда у претендента находил менее ошибок, то сажал его на место того, к кому заявлялась претензия; в противном случае спорщику давал таску тот, с кем он спорил и не победил. Эти споры о месте возбуждали соревнование в учениках и обнаруживали пред ними всю правдивость в распределении их по номерам в разрядном списке. Кроме классных занятий Чуриловский нередко практиковал некоторых учеников у себя в квартире, когда считал необходимым поднять уровень их познаний. В Чуриловском замечательно было особенное чутьё в безошибочной оценке ученических способностей; посредственность не могла у него пробиться в первый разряд, в особенности в первый десяток. Оттого ученики его из первого десятка и при переходе в семинарию удерживали высокие места и не смешивались с посредственностями. Это умение вызнать ученика и дать ему устойчивое направление удаётся немногим педагогам. Жизнь И. П. вёл холостую, чисто монашескую (в монастыре имел и квартиру); всегда был серьёзен, но всем доступен, —

с. 293

во всём умерен, одевался просто. Любовь и уважение, какими он пользовался от всех, трудно и передать.

А. П. Казанский дело учительства вёл в порядке, был простой и добрый, хотя подчас и любил попылеть, но его почему-то мало боялись.

В 1848 г., помнится, он был переведён в Судогду, а на его место учителем греческого языка назначается смотритель Сахаров из учителей 3 класса.

В 1848 году по случаю холерной эпидемии школьники были отпущены по домам в июне, а переводные экзамены производились с 1-го сентября. 16 сентября, как переведённый в семинарию, я прибыл во Владимир. На этом мои воспоминания о пребывании в Переславском училище и оканчиваются.

В заключение несколько слов о положении школьников в квартирах, их содержании, питании, одежде и обуви.

с. 294

В школе насчитывалось около 300 учеников. Поэтому почти все дома, прилежащие к Данилову монастырю, где помещалось училище, были битком набиты школьными квартирантами; в небольшой избе помещалось от 10 до 15 человек. Плата за квартиру полагалась от 9 до 12 руб. ассигнациями⁶ в год. Кроватей не было, спали в холодное время в избе на полу, полотах, лавках, кому где пришлось, а в летнее время переселялись обыкновенно на сеновал во дворе. Постелью служил войлок и подушка, набитая сеном или мочалом; одеял не знали, их заменяли неизменные тулуп и халат. Классы в зимнее время отапливались плохо, — и тулуп не сходил с плеч ученика. Вследствие пыли, грязи и скученности в квартирах развитие паразитов в белье и одежде учеников было невообразимо.

В скромные дни школьники получали от хозяев пищу — белёные щи и картофельную похлёбку, в постные дни — свёклу или капусту с огурцами, и затем пустые щи или похлёбку. Каша употреблялась от себя редко и не всеми; мясо перепадало только по приезде из домов и пред заговеньями; о чае никто не имел и помышления. Из этого общего правила исключения были редки. В особенности голодали сироты, коим высшее жалованье полагалось в 12 руб. серебром, — и дети бедных причетников. Нельзя не удивляться тому, что при такой голодовке, бедноте во всём содержании, редко кто болел серьёзно, — и на одном чёрном хлебе и квасе вырастали великаны и силачи, чем не может похвалиться новое поколение при лучших удобствах жизни.

с. 295

Одежда учеников до того была разнокалиберна, что трудно дать о ней общее понятие. Нагольные тулупы, или крытые крашениной, пестрядью, нанкой, с рваным кушаком, были принадлежностью зимнего туалета; летом — разнообразные халаты с тем же кушаком. Нанковые сюртучки с брюками составляли исключение, как щегольство, а суконные — переделку из какого-либо линялого и поношенного отцовского полукафтаныя. Даже Чуриловский летом в будни всегда ходил в училище в нанковом длинном сюртуке и таких же брюках.

Относительно обуви учеников — та же история. Рваные сапоги с плохими подмётками не были редкостью. Зимой надевались валенки; а летом в тёплое время обуви не полагалось, ходили в класс босыми, и только в церковь и на парадные присутствия в училище надевались сапоги. О щётках и ваксе для чистки сапогов не имели понятия, — лопухом наводили глянец на обувь.

Невольно при этом вспоминаются слова Грибоедова: «как посравнишь век нынешний и век минувший, — свежо предание, а верится с трудом».

Священник Александр Ключарёв.

⁶Средним числом, 3 рубля серебром.